View the original article

ПОЛИТИКА

«Даже скромное сотрудничество бросает вызов амбициям России». Разговор о роли НАТО в Центральной Азии

Замира ЭШАНОВА

20 ноября 2026, 12:24

Снайпер «Казбрига» целится из дальнобойной винтовки 50-го калибра во время военных учений «Степной орел» с участием военных из стран НАТО на военном полигоне близ Алматы, 22 августа 2013 года

Россия настаивает на том, чтобы Североатлантический альянс отказался от любой военной деятельности в Центральной Азии, написала на минувшей неделе американская газета New York Times со ссылкой на источники, близкие к переговорам по Украине. На самом ли деле Москва стремится изолировать соседей от сотрудничества с НАТО и как это может сказаться на региональной

безопасности? Английская редакция РСЕ/РС задала эти и другие вопросы генерал-майору в отставке Вахтангу Капанадзе, бывшему представителю Грузии при НАТО и ЕС.

Вахтанг Капанадзе — доктор военных наук. Прошел подготовку в Военном колледже армии США. Дважды занимал пост начальника Генерального штаба Вооруженных сил Грузии (2004–2005 и 2013–2016). Был военным представителем Грузии при НАТО и Европейском союзе с 2017 по 2020 год.

РСЕ/РС: На первый взгляд, присутствие НАТО в Центральной Азии и на Южном Кавказе выглядит весьма ограниченным и сводится в основном к подготовке кадров, военному образованию и отдельным учениям. Настолько ли значимы эти партнерства на практике, чтобы вызывать у России болезненную реакцию и требования их прекратить?

Вахтанг Капанадзе: Партнерства НАТО в Центральной Азии и на Южном Кавказе ограничены в военном отношении, но стратегически весьма значимы. Они не представляют непосредственной военной угрозы для России, поскольку не предполагают значительного постоянного присутствия сил НАТО или создания крупной военной инфраструктуры.

Тем не менее, они постепенно укрепляют военный потенциал этих стран, улучшают их оперативную совместимость с западными силами, способствуют диверсификации связей в сфере безопасности и ослабляют традиционное влияние Москвы в этих государствах.

Вахтанг Капанадзе, грузинский генерал-майор в отставке

Россию беспокоит не столько нынешнее военное присутствие НАТО, сколько возможные долгосрочные геополитические последствия. Даже скромное сотрудничество бросает вызов амбициям России по сохранению сферы влияния в своем ближайшем окружении.

Наглядным примером этой масштабной геополитической трансформации служит изменение стратегической обстановки в Черноморском регионе. Во времена Холодной войны Черное море зачастую воспринималось как «советское озеро»: из всех прибрежных государств лишь Турция была членом НАТО, остальная прибрежная зона либо относилась к Советскому Союзу, либо принадлежала странам социалистического блока. Сегодня же региональный баланс сил

претерпевает серьезные изменения, все больше напоминая ситуацию в Балтийском море, где относительное доминирование России значительно сократилось.

Проще говоря, Россию пугает не сегодняшнее военное присутствие НАТО, а перспектива утраты стратегического влияния в будущем.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:
«Экспансия требований». Действительно ли Россия настаивает на отказе НАТО от военной деятельности в Центральной Азии?

Что влечет прекращение сотрудничества с НАТО для Центральной Азии и Южного Кавказа?

PCE/PC: Насколько важны, с оперативной точки зрения, программы НАТО для реального оборонного потенциала государств Южного Кавказа и Центральной Азии? И какой ущерб — как для способности этих стран проводить независимую оборонную политику, так и для более широкой доктрины безопасности НАТО — может нанести прекращение программ?

Вахтанг Капанадзе: С оперативной точки зрения программы НАТО служат важным инструментом для наращивания оборонного потенциала этих стран, однако они не являются фундаментом их военных возможностей. Их главный вклад заключается в повышении уровня военного профессионализма, обеспечении оперативной совместимости, совершенствовании оборонного планирования, укреплении институциональной устойчивости и развитии способности к взаимодействию с широким кругом международных партнеров.

На Южном Кавказе влияние НАТО особенно ощутимо в Грузии, где сотрудничество охватывает такие сферы, как кибербезопасность, военное образование, антикризисное управление, деятельность сил специального назначения и совместную боевую подготовку.

Приостановка этих программ способна замедлить процессы модернизации и снизить уровень оперативной совместимости. Армения и Азербайджан, в свою очередь, выбрали иные, более избирательные форматы взаимодействия, однако они внимательно следят за развитием отношений между Грузией и НАТО.

Власти Грузии в июле 2022 года закрыли информационный центр НАТО и Евросоюза. Он просуществовал 20 лет

В Центральной Азии влияние НАТО в целом более ограниченно и носит неравномерный характер. Сотрудничество с альянсом дает доступ к программам подготовки, профессиональному военному образованию, экспертным знаниям в области оборонных реформ, а также позволяет диверсифицировать международные связи в сфере безопасности.

Тем не менее, это не заменяет национальные военные ресурсы или партнерства в области безопасности с другими игроками. Последствия прекращения сотрудничества могут проявиться не сразу, но иметь важное стратегическое значение: страны лишатся доступа к альтернативному военному опыту, системам подготовки кадров, институциональным реформам и западным стандартам.

Это может усилить их зависимость от существующих партнеров по безопасности — прежде всего России, — хотя и не означает автоматического перехода под

российский контроль. Не стоит забывать и о растущих амбициях Китая, а также об укреплении связей между Ираном и Россией.

Для НАТО приостановка сотрудничества может ослабить подход к обеспечению безопасности через партнерство, сократить его присутствие в регионах и подорвать возможности по развитию оперативной совместимости и устойчивости за пределами границ НАТО.

В оперативно-стратегическом плане это ослабляет южный фланг альянса и его способность взаимодействовать со странами Ближнего Востока и Центральной Азии. Подобные партнерства являются неотъемлемой частью более широкой доктрины безопасности НАТО.

Для России [прекращение программ НАТО на Южном Кавказе и в Центральной Азии] означает ослабление западного институционального и военного влияния в регионах, которые Москва считает стратегически важными, но это необязательно приведет к немедленному изменению регионального военного баланса.

Россия, несомненно, будет стремиться восстановить свое доминирующее положение в регионе — особенно после войны в Нагорном Карабахе 2020 года. Этот конфликт стал геополитически важным поворотным моментом: Турция, член НАТО, сыграла прямую и активную роль на Южном Кавказе, в регионе, который Москва исторически рассматривала как свою исключительную сферу влияния.

Это ознаменовало беспрецедентное — впервые почти за столетие — расширение роли Анкары в регионе и бросило фундаментальный вызов традиционным позициям России на Южном Кавказе.

Важное уточнение: в ежегодном докладе НАТО за 2025 год отмечается, что приоритетность отдельных направлений сотрудничества с Грузией была пересмотрена. Это свидетельствует о том, что подобные партнерства носят политически обусловленный, а не необратимый характер, причем в развитии этой ситуации отчетливо прослеживается влияние Кремля.

В целом, основной ущерб [от сворачивания программ НАТО на Южном Кавказе и в Центральной Азии] — скорее институциональный и геополитический, нежели непосредственно военный. Долгосрочная проблема заключается в том, что утрата таких партнерств может сузить пространство стратегического выбора для небольших государств и ослабить их способность проводить по-настоящему независимую оборонную политику.

Компромиссы крупных держав — давление на другие страны?

PCE/PC: С учетом вашего опыта представления интересов Грузии в штаб-квартире НАТО, как вы оцениваете риск того, что вопросы безопасности постсоветских государств могут стать предметом торга в переговорах между Россией и Западом — без участия самих этих стран?

Вахтанг Капанадзе: Такой риск вполне реален, особенно если вспомнить историческую склонность великих держав договариваться о региональной безопасности, не привлекая к этому процессу в должной мере небольшие государства. Россия может попытаться добиться ограничений на их партнерство с Западом в рамках более широких переговоров. Это способно подорвать их суверенитет и право самостоятельно определять свою политику в сфере безопасности.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:
«Старшего брата» больше нет. Как страны Центральной Азии покупают оружие не у России

Фундаментальный принцип должен заключаться в том, что никакие договоренности, касающиеся безопасности той или иной страны, не могут быть достигнуты без ее участия и ее согласия. Важно четко осознавать: любая кажущаяся слабость или нерешительность могут лишь подтолкнуть Россию к дальнейшей агрессии.

Если бы НАТО и страны-члены альянса отреагировали более решительно на российское вторжение в Грузию в 2008 году, возможно, удалось бы предотвратить аннексию Крыма и конфликт на востоке Украины в 2014 -м. Отсутствие адекватной реакции на действия России в 2014 году, вероятно, еще больше укрепило уверенность Москвы в собственной безнаказанности, что способствовало эскалации, кульминацией которой стало полномасштабное вторжение в Украину в феврале 2022 года, вернувшее масштабную войну в самое сердце Европы.

PCE/PC: Как вы считаете, проявит ли НАТО твердость в отстаивании своей стратегической концепции, партнерских программ и фундаментального права постсоветских государств самим выбирать форматы обеспечения своей безопасности — особенно в условиях давления со стороны США, крупнейшего члена альянса, призывающего к урегулированию ситуации вокруг Украины?

Вахтанг Капанадзе: Полагаю, НАТО будет стремиться отстаивать эти принципы, однако успех в этом деле зависит от политического единства — прежде всего, между Соединенными Штатами и их европейскими союзниками. Стратегическая концепция 2022 года прямо подтверждает приверженность суверенитету и праву каждого государства самостоятельно определять свою политику безопасности, а Анкарская декларация НАТО (итоговый документ саммита НАТО, прошедшего 7–8 июля 2026 года в Анкаре, в котором подтверждается приверженность статье 5 Вашингтонского договора о коллективной обороне, трансатлантическому единству и подходу сдерживания и обороны) вновь подтверждает поддержку суверенитета Украины.

Главная сложность заключается в том, как воплотить эти обязательства в жизнь, когда в переговорах сталкиваются противоречивые геополитические интересы. Готовность Вашингтона к компромиссам может создать давление на других союзников, вынуждая их согласиться на ограничения в рамках партнерств НАТО или регионального взаимодействия.

В конечном счете авторитет НАТО зависит от того, будет ли обеспечен подход, чтобы к малым государствам не относились как к разменной монете. Любое урегулирование, затрагивающее Украину, Грузию или другие постсоветские страны, должно проходить при их непосредственном участии и с уважением к их суверенному выбору — тем более что Черноморский регион и Центральная Азия заслуживают не меньшего стратегического внимания, чем страны Балтии. Более того, Южный Кавказ и Южный коридор имеют для Запада как минимум такое же стратегическое значение — а возможно, даже большее, — как Сувалкский коридор, особенно с учетом их роли в обеспечении региональных связей, энергетической безопасности, диверсификации торговли и поддержании геополитического баланса между Европой и Азией.

И в заключение хотелось бы напомнить известное изречение одного видного политического деятеля: «Россия никогда не бывает такой сильной, какой она выглядит, и никогда не бывает такой слабой, какой она кажется на первый взгляд».

This item is part of

Политика | Центральная Азия | В мире | Темы дня | Россия | Война в Украине

Азаттык Азия © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.